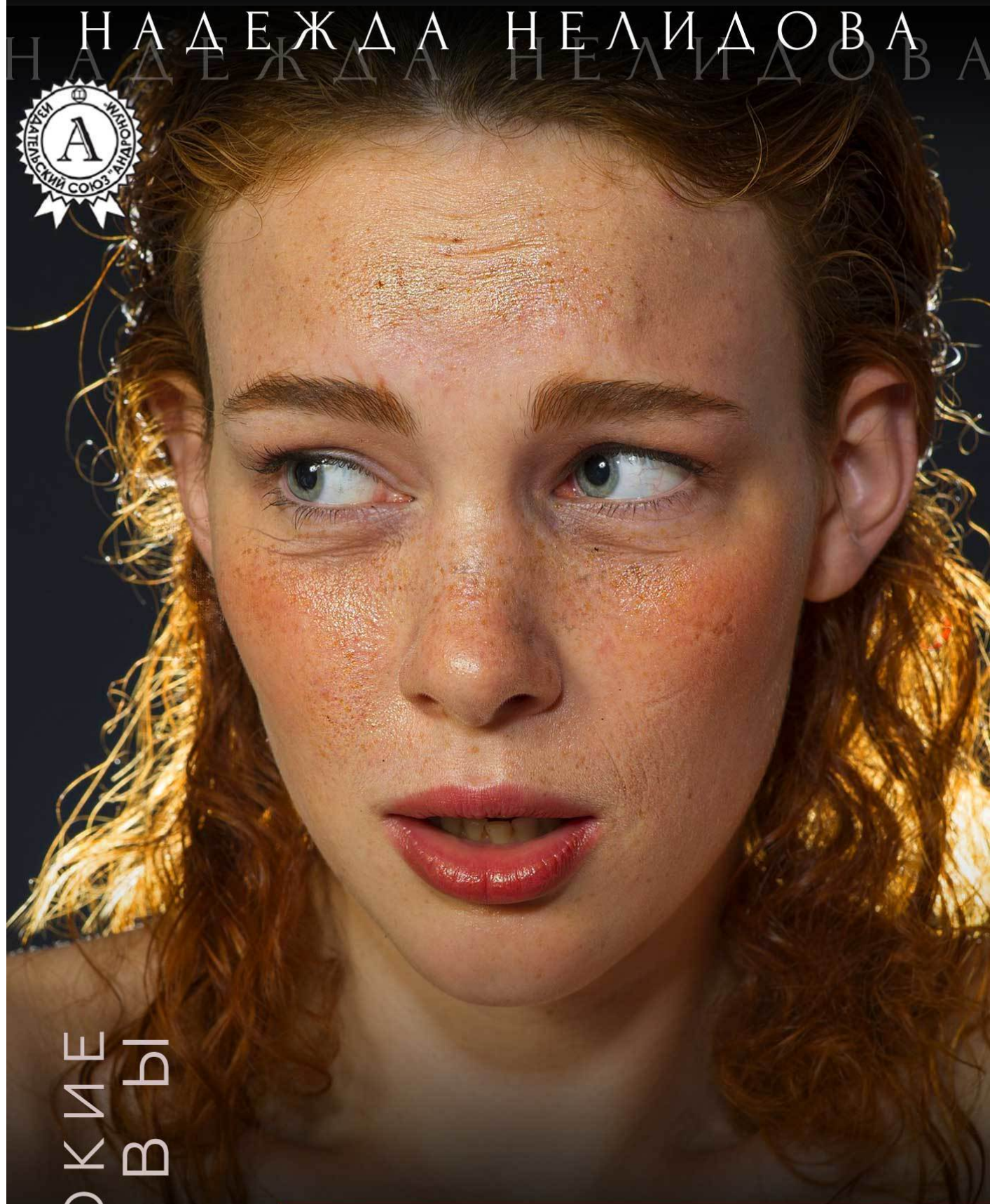

НАДЕЖДА НЕЛИДОВА

ЖЕСТОКИЕ
НРАВЫ

БОЛЬШАЯ
МЭРИ

Жестокие нравы

Надежда Нелидова

Большая Мэри

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Нелидова Н.

Большая Мэри / Н. Нелидова — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Жестокие нравы)

«... А Маша всю жизнь как пыльным мешком из-за угла пуганная. Пришла в психологический центр на консультацию. Вообще, в нашей стране женщины не любят ходить к психологу. Вместо них плачутся подружкам. Но подружки поахают, поужасаются – а назавтра разнесут по секрету всему свету. Знают двое – знает свинья. Уж лучше к специалисту...»

Содержание

БАБНЮРНАДЗОР	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Надежда Нелидова БОЛЬШАЯ МЭРИ

БАБНЮРНАДЗОР

Из-за своей вопиющей рассеянности я вечно попадаю в неприятные истории. В последний раз «влипла» в бутике.

Они обозвали себя «Бутик «Женское счастье» – а на самом-то деле это была одна из сотен крошечных стеклянных, мертвенно освещённых синим светом коморок в ЦУМе. В душевной коморке продавались дешёвые сумки из Китая, под пышными европейскими брендами.

Сумки теснились в витрине и на полках, задевали головы, гроздьями свешиваясь с контейнеров и крючьев, горами были навалены на полу. Чтобы извлечь приглянувшуюся вещь, приходилось пробираться по узеньким тропинкам и расшвыривать, раскапывать горы разномастных изделий из кожзаменителя.

Я повесила свою потрёпанную сумку на плечо и по локоть погрузила обе руки в благоухающее едким клеем женское счастье от Диора, Гуччи и Версаче. Вроде этот рюкзачок ничего... И тот тоже. «Женщина, вы там ближе, передайте ридикюль». Чтобы не потерять в сумочных авгиевых конюшнях будущие покупки, я повесила их на локоть и протянула даме искомый ридикюль.

Некстати зазвонил телефон. Я, как воспитанный человек, не могу на людях громко обсуждать личные дела. Полушёпотом разговаривая и жестикулируя, машинально направилась к выходу... Цоп! Две скучающие продавщицы встрепенулись, подлетели, подхватили меня под белы ручки.

– Нет, Валь, смотри, как изощряются воришки! Ноу-хау! Прижала локтём сумки, как будто по телефону разговаривает – и пошла, и пошла. Вся из себя деловая. А на вид приличная женщина!

Плохо то, что я с приглянувшимися рюкзачками успела шагнуть за стеклянный периметр. То есть была застукана на выносе товара с корыстной целью. Имея злой умысел. Пытаясь осуществить противоправное действие. Намереваясь обогатиться противозаконным способом. На краже, одним словом – и о том красноречиво свидетельствовали видеокамеры, засёкшие меня с трёх ракурсов.

От меня шарахались добросовестные покупательницы. Дети взирали с ужасом, как на чудище из мультика.

...– Я всё видела. Вы не нарочно. Эти торгаши обнаглели. Они опорочили подозрением ваше честное имя. Нанесли моральный вред. Нужно их привлечь, – на улице меня догнала запыхавшаяся дама с ридикюлем. – Вам поможет только бабНюра. Вот адрес. Идите прямо сейчас, пока не перегорело.

– А ничего, что без звонка, без предварительной договорённости? – я вертела самодельный, из грубого картона, квадратик-визитку. – Да и поздно. Наверно, она уже спит – бабушка всё-таки...

– У неё бессонница, принимает практически круглосуточно. В общем, увидите – всё поймёте.

Я и сама могу прекрасно постоять за себя. Но о Бабнюре слышала давно: вот и прекрасный повод познакомиться. Тем более жила она, как выяснилось, недалеко от меня.

Блочная хрущёвка, пятый этаж без лифта. В подъезде крепкая железная дверь с кодовым замком. Внутри бедненько, старенько, но чистенько. Вкусно пахнет свежей краской и мелом, лестницы и площадки влажные, только помытые.

Навстречу спускалась задумчивая женщина со свёртком под мышкой. Из свёртка капало, и пахло рыбой.

– Будьте добры, не захлопывайте! – за мной юркнул дедуля, пыхтя и стуча палкой, карабкался вслед на пятый этаж. «Вы к бабНюре? Я за вами». Уже интересно.

Нажала на кнопку квартиры № 33. «Не звоните, у неё открыто», – старичок меня таки догнал. Стоял, перегнувшись через перила, отпыхивался. В прихожей сразу рухнул на обитый дерматином диванчик, обмахиваясь кипой скреплённых бумажек. «Уф! Сегодня немного народу».

На стенах прихожей висели разные просветительские диаграммы и графики, как в больнице. На одной схеме красовался гигантский пельмень в разрезе, примерно в масштабе 1:10. От него во все стороны расходились стрелочки-указатели: вес пельменя, размеры защипов по ТУ, толщина тестяной оболочки, процентное соотношение фарша и теста, состав начинки...

Рядом на стенде висели распяленные мужские носки в трёх стадиях изношенности: новые, ещё с этикеткой; протёртые до прозрачности на пятке; дырявые... Надеюсь, постиранные. Под носками краткая памятка: что-то о вплетении синтетических волокон для прочности чулочно-носочного изделия.

Старичок заметил мой интерес:

– Бабнюра проверяла носкость эмпирическим методом. Надевала пяткой кверху (!) и носила три месяца – сносу не знали. Чего *они* делают-то: нарочно пятку вывязывают из гнилых ниток! Ах, черти! – дедок восторженно застучал палкой. – Разок наденешь – дырка! А их, носки-то, миллионами выпускают. Вот и считайте. Чулочно-носочная мафия в действии.

Моё внимание привлекал карикатура, вырезанная из газеты. Два господина в костюмах, с торчащими и вываливающимися из кармана купюрами – деловито стряпали что-то клубках пара у плиты. Один другому говорит: «Не выбрасывай негодные продукты на помойку – у нас для этого есть население».

Грустно всё это.

Из кухни доносился возбуждённый женский голос:

– Говорю специалистам: «Так и так. Жарю фарш – половина воды. Половина! Подскажите, говорю, как на мясников в суд подать». А специалисты от компьютеров не отрываются, лениво так: «Уже подавали, и не раз. Ни одного выигранного дела. И вам не советуем: только на судебные издержки потратитесь». И ещё говорят: «А не боитесь встречного иска за распространение клеветнической информации?».

Я заглянула в кухню, больше похожую на лабораторию. Только вместо штативов, реторт и колб повсюду: на столах, подоконнике и даже на полу – теснились блюдечки, стаканы, миски, дуршлага, ситечки, тёрки. Как будто всю посуду повынимали из шкафов.

В посудках виднелось что-то скукожившееся и потрескавшееся, что-то прокисшее, поросшее мохнатой чёрной шёрсткой плесени. На плите яростно плевалась жиром сковороды. Рядом булькала, кипела кастрюлька, в ней выпаривалось бурое месиво, источая запах старого грязного белья.

– Слышите? Слышите?! – волновалась посетительница, вода носом: – Я им говорю: испорчено – а они: «Экспертиза платная». И называют сумму несусветную. А у меня пенсия.

– А, как вам?! Лаборатория Пенсионерского! – гордо подмигнул дедок.

За кухонным столом восседала высокая суровая старуха в сдвинутых на кончик носа, как у Познера, очках. С важным сосредоточенным видом, тоже как у Познера, капала чёрную жидкость в блюдечко с мёд. Мёд на глазах синел.

Старуха удовлетворённо кивнула и записала что-то на бумажке.

– Иван Савельич! – крикнула она старику в прихожую. – Принесли копии сертификатов?

Бегло просмотрела, присовокупила к таким же бумагам в разбухшую папку. Со мной разобралась быстро: «Пустяковый случай». Сунула визитку с телефоном бесплатного юриста:

– Старательный мальчик, колясочник. За своих, льготников, горой стоит. Как раз защищает диплом, что-то о пищевом и торговом хаосе в эпоху дикого капитализма.

А дальше я осталась из любопытства, села незамеченная в уголок, чтобы не мешать.

То и дело хлопала входная дверь. Посетители вынимали из сумок... Чего только они ни вынимали! Продукты, требующие сложного исследования бабНюра откладывала и назначала время для получения результата анализа, записывала в журнал. Простейшие тесты проводила тут же, на глазах у изумлённой публики.

Стучала по крупному румяному яблоку костяшками пальцев.

– Слышь, звук гулкий, как в бочонок? Пустое внутри, с гнилой сердцевиной. Какие свежие яблоки в мае?! Мало что на этикетке напишут, а ты верь больше. У свежего яблочка стукоток глуховатый, крепкий, тугой.

Капала йод в сметану, творог и томатную пасту. Распускала сливочное масло в горячей воды и «гадала» на масляной гуще. Сыпала муку в уксус и наблюдала реакцию. Обвёртывала мясо в салфетку. Макала в мёд кусочки хлеба и остриё химического карандаша. Плавил в блинной сковородке сыр. Поджигала спиртосодержащую жидкость.

– Не отравлюсь ли? – волновался, по-девичьи рдел розовыми скулами испитой мужик.

– Не отравишься, пирожочек мой. Вишь, проволоку раскалила, опустила – почти не пахнет. Горит синим огнём. Был бы метиловый – вонял чёрти чем и зеленью отдавал... А ты бы, Николай, бросал лосьоны-то пить. Румянец у тебя нехороший, лихорадочный. Сам сгоришь внутренним огнём.

Иногда Бабнюра снисходила, объясняла свои действия:

– Во-от, пирожочки мои... Видите, облила водкой колбасный срез? Покраснело – смело выбрасывайте: подделка.

Поматывала-покачивала молоко в узком стакане, внимательно рассматривая на свет потёки на стенках стакана. Проводила органолептический контроль творога: обнюхивала, прищёпывая губами, обминала языком рассыпчатые творожные крупинки. Комментировала вдумчиво:

– Ощущение плёнки на языке... Будто свечку во рту подержала. Мылкий привкус... – и выносила безапелляционный вердикт: – Трансжир.

Древней старушке, которую под руки довели до стульчика, Бабнюра крикнула в ухо:

– Прокопьевна, пирожочек мой, я ж тебе толковала: яйца кидай в воду, в солёную. Всплывут – лежалые. Потонут – свежие.

– Да не вижу ничего, слепая, – шамкала Прокопьевна. – На рынке божились: утрешни, мол, тёпленьки, тока из-под куры.

Диетические утренние яйца весело бултыхались в воде, постукивали друг о дружку и ни в какую не хотели опускаться на дно.

К полуночи поток посетителей иссяк. Остались три женщины, да старичок Савельич цвёл среди нас – как алая роза среди крапивы. Я, одной ногой, сбегала на угол в лавочку на

углу. Купила хорошего зелёного чая, шоколадных конфет. Бабнюра аккуратно убрала своё лабораторное хозяйство, прикрыла приборы и реактивы чистой тряпицей.

– Чего хотела-то, Лиса Патрикеевна? Вижу ведь, егоза: хвостом метёшь. Какого лешего в газету? Ничего не скажу – хоть режь.

Она зачерпнула щепотку чая, присмотрелась, растёрла в пальцах. Заварила, бросила в чашку ломтик лимона, испытующе посмотрела на свет. Одобрительно кивнула. Потом, прищурившись, причмокивая, важно перекаtywала конфету во рту.

– Чайный лист хорош, свеж, первого сбора, верхушечный. Без мусора, без краски. Вишь, посветлел от лимона. А с конфетами не угадала, – она выплюнула в обёртку сладкий коричневый комочек. – Вот что я скажу, пирожочки мои: не шоколад это – не тает. Подделка голимая.

Даже в свободное время в Бабнюре не дремал строгий контролёр.

– Вон, тоже читала в газете, – встряла одна женщина. – Про конфеты-то. Пишут, те берите, эти не берите.

– Верь им больно, газетам. Там какой производчик больше заплатит – тот и хорош. Враньё всё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.